УДК 903'12

М.В. Аникович
Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: mabtrade@mail.ru

РАННЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Основные понятия

В статье используются два основных обобщающих понятия: ***археологическая культура*** (АК) и ***технокомплекс*** (ТК). Поскольку их детальные характеристики рассматривались мной в специальных работах (напр., [Аникович, 1998]), здесь я ограничусь лишь определениями и самыми необходимыми пояснениями.

Археологическая культура *есть система традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в результатах человеческой деятельности, ставших археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников.*

В принципе такое определение лишь более четко указывает на то, что подразумевалось изначально, на интуитивном уровне, при введении этого понятия в археологию. Естественно, традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности; в т. ч. и в специфических формах – *типах.*

В понятии "технокомплекс" выражается качественно иное сходство, обусловленное не культурно-генетическим родством, а известной ограниченностью технологии обработки камня, с одной стороны, и связью между применяемым комплексом приемов скола и формами орудий – с другой. Такое сходство возникает самопроизвольно, в индустриях, которые могут быть чрезвычайно удалены друг от друга в пространстве и времени и не связаны между собой каким-либо генетическим родством. ***Технокомплекс*** *– это относительно устойчивая система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и существуют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством.*

В верхнепалеолитических индустриях наиболее отчетливо выделяются три технокомплекса: селетоидный, ориньякоидный и граветтоидный. Они отличаются следующими характеристиками.

Селетоидный ТК. Пластинчатая техника первичного раскалывания не обязательна: даже при ее наличии пластина не является ведущей формой заготовки. Техника резцового скола, вертикальная краевая ретушь либо отсутствуют вовсе, либо играют незначительную роль. В орудийном наборе наряду с хорошо выраженными листовидными двусторонними остриями обязательно наличествует, вместе с представительной совокупностью верхнепалеолитических орудий, выразительный комплекс мустьерских форм. Микроинвентаря либо нет, либо он крайне скуден.

Ориньякоидный ТК. Пластинчатая техника первичного раскалывания, направленная на получение крупных массивных пластин. Микропластинки, если имеются, обычно аморфны, часто приближаются к чешуйкам. Характерна интенсивная краевая ретушь, далеко заходящая на поверхность заготовки. Развита техника резцового скола. Плоская ретушь редка либо отсутствует вовсе. Набор орудий характеризуют формы, образованные интенсивной краевой ретушью

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 00-06-88015, и National Science Foundation, № BCS-0132553.

© М.В. Аникович, 2003

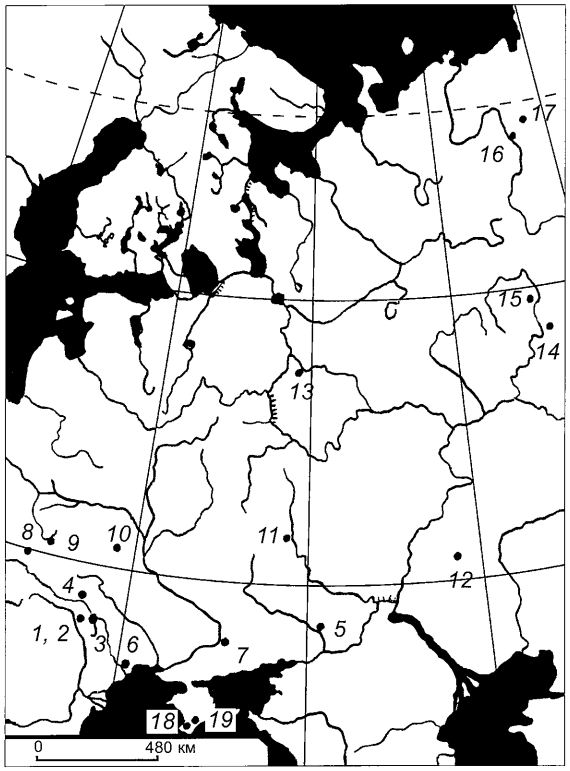

Рис. 1. Распространение стоянок ранней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Составлено с использованием: [Вишняцкий, Нехорошев, 2001, рис. 1].
Памятники ранней поры верхнего палеолита: *1* – Корпач, Корпач-Мыс; *2* – Брынзены-1; *3* – Климауцы-1; *4* – Молодова-5, Кормань-*4*; *5* – Бирючья Балка; *6* – Зеленый Хутор; *7* – Мира; *8* – Куличивка; *9* – Жорнов; *10* – Радомышль; *11* – Костенки; *12* – Непряхино; *13* – Сунгирь, Русаниха; *14* – Заозерье; *15* – Гарчи-1; *16* – Бызовая; *17* – Мамонтова Курья; *18* – Сюрень-1; *19* – Буран-Кая-3.

высоких пластин: ориньякские пластины, скребки и острия на них. С ними сочетаются различные формы коротких высоких скребков. Характерны срединные многофасеточные резцы. Микроорудия, когда присутствуют, обычно выполнены мелкой краевой ретушью, часто противолежащей (пластинки дюфур).

Граветтоидный ТК. Высокоразвитая пластинчатая техника, дающая тонкие пластины с параллельной огранкой спинки, узкие, "правильные" микропластинки. Характерно широкое употребление вертикальной краевой ретуши, сильно усекающей края пластин и микропластинок. Развита техника резцового скола. Набор орудий характеризуют формы, определяющиеся применением вертикальной ретуши: пластины и острия с притупленным краем. Среди резцов много боковых – прямо- и косоретушных.

В конкретных индустриях характеристики технокомплексов далеко не всегда представлены в "чистом" виде. Во-первых, по всей вероятности, для палеолита возможно выделение иных технокомплексов (конкретнее речь об этом пойдет ниже), хотя общее их число едва ли будет велико. Во-вторых, сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным технокомплексам, может обусловливаться различными причинами: культурным влиянием (взаимодействием археологических культур, характеризующихся разными технокомплексами) и культурной трансформацией ("естественной" сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики).

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы как периодизационная единица и ее хронологические рамки

Накопленные за десятилетия обширные материалы позволяют с достаточной уверенностью предложить археологические критерии для выделения ранней поры верхнего палеолита в рассматриваемом регионе. Важнейшим из них я считаю *сосуществование культур (и отдельных неатрибутированных индустрий) двух типов: "архаичных", со значительной долей орудий мустьерских форм, и "развитых", с исключительно верхнепалеолитическими характеристиками.* К первым здесь относятся культуры, характеризующиеся селетоидным технокомплексом (стрелецкая, брынзенская), ориньякоидные индустрии с ярко выраженным архаичным компонентом (типа Куличивки и Радомышля), а также культуры и отдельные индустрии, относящиеся к особому технокомплексу, названному мной ***афонтовским*** (по аналогии с афонтовскими индустриями). Это памятники городцовской АК и отличная от них в культурном отношении индустрия Костенок-16. К "развитым" относятся индустрии ориньякоидного (не все) и граветтоидного технокомплексов. Конец ранней поры верхнего палеолита знаменуется глобальной сменой археологических культур, резким изменением всей археологической картины, наблюдающейся на территории Восточной Европы, особенно в ее центральной части, где распространяются специфические культуры охотников на мамонтов [Аникович, 1994, 1998].

В установлении хронологических границ ранней поры верхнего палеолита есть свои сложности. В хроностратиграфических построениях я ориентируюсь на схему, разработанную Е.П. Зарриной, И.И. Красновым [1977] и Е.А. Спиридоновой [1991], согласно которой в позднем плейстоцене Восточной Европы выделяется т.н. средневалдайский мегаинтерстадиал (50 – 25 тыс. л.н.) с тремя потеплениями (гражданское, кашинское, дунаевское), разделенными кратковременными периодами похолоданий. Памятники ранней поры верхнего палеолита до недавнего времени связывали только с последним,

дунаевским, потеплением или, по А.А. Величко, с "брянским интерстадиалом" (32 – 25 тыс. л.н.; аналоги: паудорф, арси, денекамп, штиллфрид В). Памятники данного периода широко распространены по Русской равнине: от Днестровско-Прутского междуречья до бассейна Печоры.

Сейчас в литературе активно обсуждается вопрос о существовании на территории Восточной Европы более древних верхнепалеолитических памятников, относящихся к самому началу этой эпохи [Аникович, 2000; Вишняцкий, Нехорошев, 2001; Синицын, 2000]. При отдельных разногласиях авторы сходятся в том, что отчетливый "преддунаевский" комплекс верхнепалеолитических индустрий в настоящее время выделяется только в Костенковско-Борщевском районе: памятники т.н. I хронологической группы, залегающие в нижней гумусированной толще. Их нижняя хронологическая граница остается под вопросом, ясно только, что возраст этих памятников более 35 тыс. лет.

Верхнюю хронологическую границу ранней поры верхнего палеолита обычно связывают с концом среднего валдая. Эту границу можно принять лишь как условную, учитывая, что в исторической реальности, особенно в первобытной, никогда не бывает четкой и однозначной смены историко-культурных явлений; хронологическое "перекрывание" старого и нового неизбежно. Так, например, индустрии грота Чунту и стоянки Радомышль, по типологическим показателям относящиеся к ранней поре верхнего палеолита, имеют радиоуглеродные даты порядка 20 – 19 тыс. л.н.

Распределение памятников, относящихся к ранней поре верхнего палеолита, на Русской равнине показано на рис. 1.

Хроностратиграфия палеолита Костенковско-Борщевского района как основа хроностратиграфии верхнего палеолита Восточной Европы

В настоящее время опорными для хронологических построений, касающихся ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, являются памятники Костенковско-Борщевского района. В общих чертах их хроностратиграфическое распределение выглядит следующим образом.

Относительная хронология костенковских памятников базируется на основных стратиграфических подразделениях региона. Это две гумусированные толщи, имеющие сложное строение, разделенные негумусированными суглинакми, включающими линзы вулканического пепла (основной стратиграфический репер), и перекрытые толщей лессовидных суглинков. Соответственно выделяются три основные хронологические группы:

I, самая ранняя: памятники, залегающие в нижней гумусированной толще (ниже линз вулканического пепла).

II, средняя: памятники в верхней гумусированной толще (выше линз вулканического пепла).

III, самая молодая: памятники в лессовидных суглинках, покрывающих единым делювиальным шлейфом вторую и первую надпойменные террасы.

В течение многих лет костенковские гумусированные толщи рассматривались как результат переотложения какой-то одной погребенной почвы – микулинской или даже брянской, – и, таким образом, древнейшие памятники Костенковско-Борщевского района заключались в чрезвычайно узкие хронологические рамки. Исследования последних десятилетий показали полную несостоятельность этих взглядов.

1. На ряде опорных памятников (Костенки-1, 12, 14) были выявлены не просто переотложенные гумусированные горизонты, а настоящие погребенные почвы, причем в нижней гумусированной толще в настоящее время прослеживается не менее трех горизонтов почвообразования.

На Костенках-12 (рис. 2) в нижней гумусированной толще выделяются четыре горизонта, связанных с самостоятельными почвообразовательными процессами [Аникович и др., 2002], а именно (сверху вниз):

A. Сильно переотложенный горизонт, включающий линзы интенсивной гумусированности. К нему приурочены остатки III культурного слоя. Радиоуглеродный возраст 36 280 ± 360 (GrA-5551).

B. Рыжевато-коричневый гумусированный суглинок, пронизанный волосовидными трещинами, заполненными светлым материалом, – остатки погребенной почвы in situ. Содержит находки IV культурного слоя, открытого в 2001 г.

C. Коричневато-серый гумусированный суглинок, однородный, на большей части разреза непосредственно налегает на нижележащий почвенный горизонт, но местами отделяется от него прослойкой негумусированного палевого суглинка.

D. Темный серо-коричневый, доходящий до черного гумусированный суглинок, местами линзовидный, местами с большим количеством меловой крошки, не стянутой в линзы. Содержит находки V культурного слоя, открытого в 2002 г.

На Костенках-14 (рис. 3) под линзами вулканического пепла выделено три гумусированных горизонта, два из которых, по заключению А.А. Синицына [2000], являются почвами in situ. Можно надеяться, что их корреляция с почвенными горизонтами на Костенках-12 – дело ближайшего будущего. Выделенные культурные слои (IVa, б и "горизонт очагов"), бесспорно, относятся к числу древнейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы.

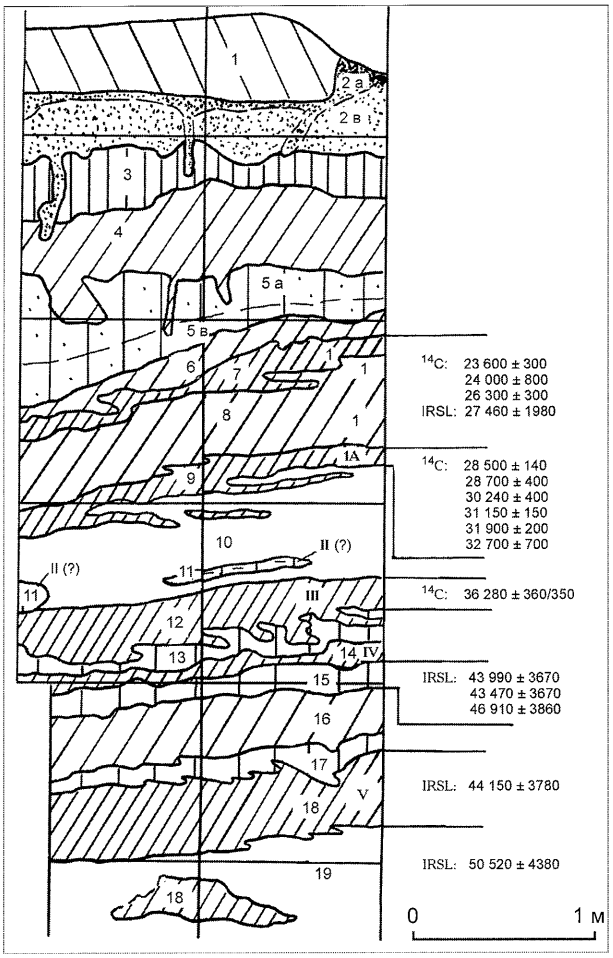

Рис. 2. Схематический разрез части восточной стены раскопа 2002 г. (кв. 80, 81). Костенки-12 (Волковская стоянка).
I – V – культурные слои; 1 – строительный горизонт; 2а, в – современная почва; 3 – бурый суглинок; 4 – гмелинская почва; 5а, в – светло-бурый суглинок с большим количеством меловой крошки; 6 – предполагаемая погребенная почва; 7 – 9 – горизонты верхней гумусированной толщи; 10 – белый мергелистый суглинок с обломочным материалом, выполняющий русла древних промоин; 11 – слабогумусированный слоистый суглинок; 12, 14, 16, 18 – почвенные горизонты (соответственно A, B, C, D), образующие "нижнюю гумусированную толщу"; 13, 15, 17 – палевый суглинок; 19 – плотный мергелистый суглинок.

2. Серия радиоуглеродных дат, полученная в 1970-х – 1990-х гг. [Радиоуглеродная хронология..., 1997] и постоянно пополняющаяся (сейчас их около 200), совершенно определенно указывает на то, что памятники II хронологической группы (опубликовано 54 даты) датируются в пределах 32 – 25 тыс. л.н. (это соответствует дунаевскому интерстадиалу). Радиоуглеродных дат по нижней гумусированной толще пока немного; их значения колеблются в интервале 37 – 32 тыс. л.н. Следует учитывать, что здесь мы имеем дело с глубокой древностью, когда радиоуглеродный метод чаще дает "сбои" в сторону омоложения и должен особенно корректироваться другими данными. Такие данные были получены в результате работ последних лет на Костенках-12 [Аникович и др., 2002]*.

Ст. Форманом (Иллинойский университет, Чикаго, США) по разработанной им методике получены IRSL-даты: для палевого суглинка, разделяющего почвенные горизонты C и D, – 43 990 ± 3 670 (UIC915), 43 470 ± 3 670 (UIC946) и 46 910 ± 3 860 (UIC947), для горизонта D – 44 150 ± 3 780 (UIC945) и для подстилающего его осветленного суглинка – 50 520 ± ± 4 380 (UIC917). В настоящее время это древнейшие даты, полученные для верхнепалеолитических памятников Восточной Европы. Показательно, что в отличие от ТЛ-дат, обычно резко расходящихся с радиоуглеродными, IRSL-дата, полученная Ст. Форманом для I слоя – 27 460 ± 1 980 (UIC916), – хорошо согласуется с имеющимися радиоуглеродными (см. рис. 2).

* Я глубоко благодарен своим коллегам Дж. Хоффекеру и Ст. Форману за любезное разрешение включить в публикацию новые даты, полученные в ходе совместных работ (Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция 2001 г.).

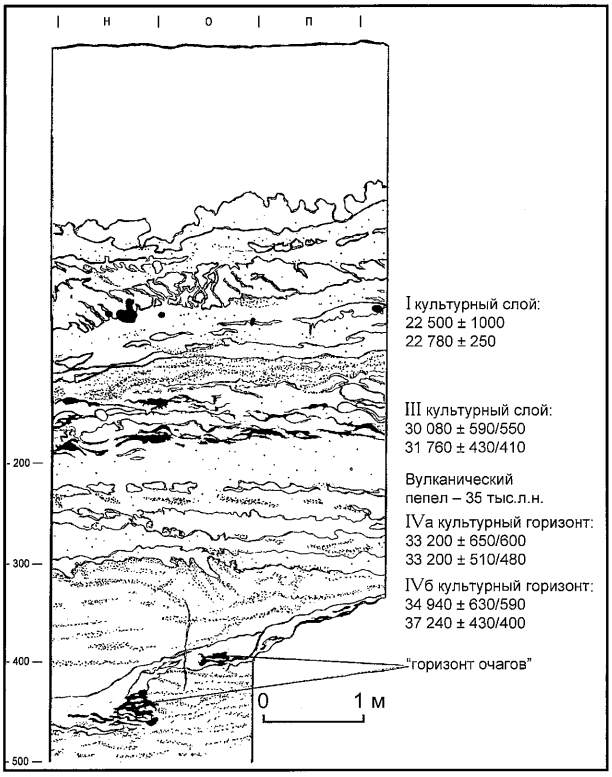

Рис. 3. Схематический разрез раскопа 1999 г. на кв. НОП. Костенки-14 (Маркина Гора). По: [Синицын, 2000, рис. 2].

Хроностратиграфическая корреляция верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района с геологической шкалой и с памятниками других регионов Восточной Европы

Геологическое время	Стратиграфия	Хронологическая группа	Костенковско-Борщевский район	Юго-запад – юг Восточной Европы	Днепро-Деснинский район
Позднеледниковье (17 – 10 тыс. л.н.) Климатический минимум (20 – 18 тыс. л.н.)	Бурый суглинок	IIIC	Костенки-2, 3, 11а, 19, 21/I – II, Борщево-1	Молодова-5/I – IV, Каменная Балка-2, Б. Аккаржа Молодова-5/V – VI, Мураловка, Золотовка, Анетовка-2, Климауцы-2/I	Добраничивка, Тимоновка-1, 2, Супонево, Юдиново, Межирич, Гонцы Кирилловская, Мезин
Потепление (22 – 21 тыс. л.н.)	Гмелинская почва	IIIB	Костенки-1/I, 4/I – II, 5/III (?), 9, 11/II, 13, 14/I, 18, Борщево-5	Молодова-5/VII, Сагайдак-1 (?), Амвросиевка (?), Зеленый Хутор (?)	Пушкари-1 (?), Бердыж, Авдеево, Хотылево-2
Начало позднего валдая (24 – 23 тыс. л.н.)	Бурый суглинок	IIIA	Костенки-1/II, 8/I – Ia, 11/III, 12/в.г.	Радомышль (?)	?
Дунаевский (брянский) интерстадиал (32 – 25 тыс. л.н.)	Средняя часть – верх верхней гумусированной толщи	IIB	Костенки-1/III, 16, 17/I Костенки-8/II, 11/IV, 12/I, 14/II, 15	Молодова-5/IX – VIII, Брынзены-1/III, Климауцы-2/II, Куличивка/I – II, Жорнов/I – II, Бирючья Балка, Ильинка (?)	Не известны
	Основание верхней гумусированной толщи	IIA	Костенки-1/V, 11/V, 12/Ia, 14/III – IV (?)	Молодова-5/X, Климауцы-2/III	»
Кашинский – гражданский интерстадиалы (50 – 34 тыс. л.н.)	Нижняя гумусированная толща: серия погребенных почв	I	Костенки-6, 8/IV, 12/II – V, 14/IVa, б, 17/II	Молодова-5/Xa	»

Таким образом, по совокупности данных уже сейчас можно считать установленным, что с последним климатическим оптимумом среднего валдая в Костенках связаны только памятники I хронологической группы (см. *таблицу*). Древнейшие из них относятся к предшествующим периодам среднего валдая. Более детальную аргументацию см.: [Аникович, 1993, 2000; Синицын, 2000].

Культуры "архаичного" типа

Селетоидный ТК. Среди индустрий, относящихся к селетоидному ТК, наиболее представительными являются памятники костенковско-стрелецкой АК. Их ареал широк: от среднего Дона (Костенки-1/V, 6, 11/V, 12/III, Ia) до Северского Донца на юге (ряд комплексов Бирючьей Балки), Камы на востоке (Гарчи-1) и Клязьмы на севере (Сунгирь). Наиболее древние из этих памятников Костенки-12/III и 6. Их возраст по стратиграфическому положению и радиоуглеродным датам не может быть меньше 36 тыс. лет. Верхняя хронологическая граница данной культуры определяется возрастом стоянки Сунгирь, для которой в последнее время получены даты порядка 28 – 26 тыс. л.н.

Остановимся подробнее на древнейшей индустрии этой культуры (Костенки-12/III).

Сырье – местный кремень, валунный и плитчатый. Индустрия выглядит очень архаичной, по крайней мере в типологическом отношении. Техника первичного раскалывания непластинчатая: нуклеусы плоские, параллельного снятия; орудия (около 250 экз.) выполнялись преимущественно на отщепах, осколках и фрагментах плиток желтого кремня. Значительную часть орудий составляют типично среднепалеолитические формы: остроконечники, различные скребла (рис. 4, *13*, *15*, *16*). Есть специфические острия типа "кэнсон" (рис. 4, *1*). Серийно представлены ножи на осколках плитчатого кремня (рис. 4, *7*). Из типично верхнепалеолитических орудий наиболее характерны скребки, в большинстве своем короткие, подтреугольных очертаний, иногда с вентральной подтеской основания (рис. 4, *2* – *5*). Немногочисленны, но типологически выразительны высокие стамески

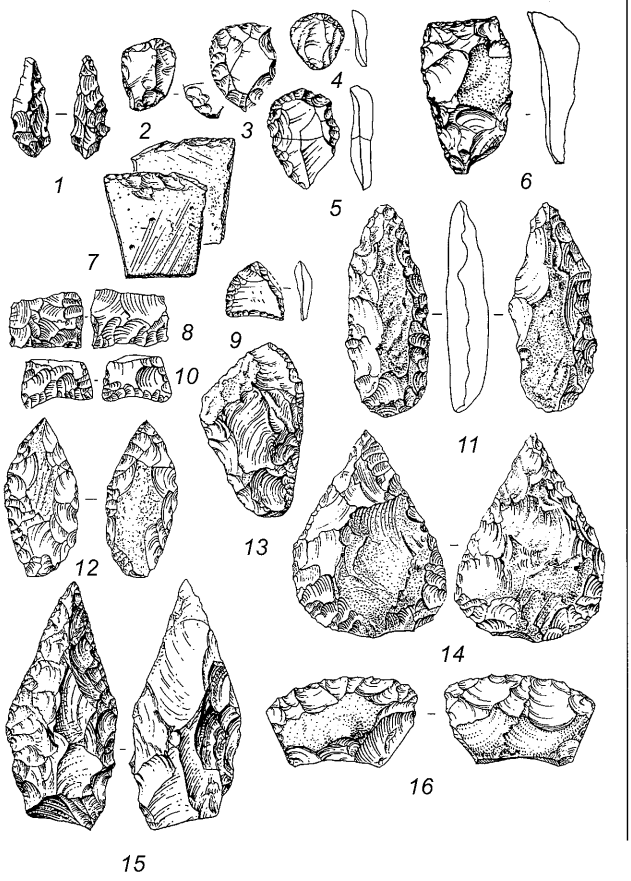

Рис. 4. Каменные орудия. Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелецкая культура, I этап. Костенки-12, III слой.

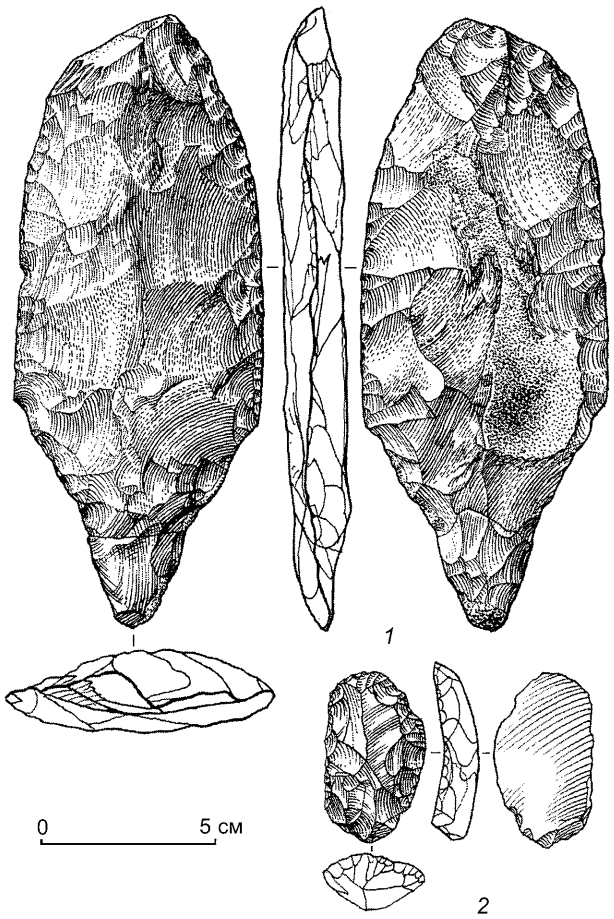

Рис. 5. Каменные орудия из раскопа 2001 г. Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелецкая культура, I этап. Костенки-12, III слой.

с тщательно оформленными прямыми поперечными лезвиями (рис. 4, *6*). Резцы отсутствуют, хотя на некоторых предметах отмечаются резцовые сколы. Изделия с чешуйчатой подтеской редки.

Типологически наиболее выразительны листовидные двусторонне обработанные орудия: треугольные наконечники с вогнутым основанием (рис. 4, *8*, *10*); "лист тополя" (рис. 4, *14*); удлиненные с округлым основанием; удлиненные с основанием, обработанным "скребковой" ретушью (рис. 4, *11*); удлиненные, сужающиеся к основанию (рис. 4, *12*). Уникальным орудием является крупный двусторонне обработанный кварцитовый наконечник с черешком (рис. 5, *1*). Костяных орудий, украшений, произведений искусства не найдено.

По технико-типологическим характеристикам выделяются еще три этапа развития стрелецкой АК: второй, представленный в Костенках памятниками, приуроченными к основанию верхней гумусированной толщи, – Костенки-1/V (рис. 6), 11/V, 12/Ia – и в бассейне Камы стоянкой Гарчи-1. В Костенках-1/V обнаружена грубая мергелевая подвеска со встречным сверлением (рис. 7). К третьему этапу я отношу стрелецкие комплексы Бирючьей Балки, а к четвертому (финальному) – стоянку Сунгирь. Общая тенденция развития прослеживается в усилении роли пластинчатого скола, уменьшении доли среднепалеолитических форм среди орудий. Процент двусторонне обработанных наконечников и их типологическая вариабельность возрастают на втором и третьем этапах, но резко сокращаются на четвертом. Финальный этап характеризуется богатством и разнообразием костяных орудий, украшений, наличием произведений искусства.

На территории Восточной Европы есть значительное количество инокультурных индустрий, относящихся к селетоидному ТК: памятники брынзенской АК на юго-западе Русской равнины (Брынзены-1/III, Бобулешты-6, грот Чунту). По радиоуглеродным датам эта культура моложе стрелецкой;

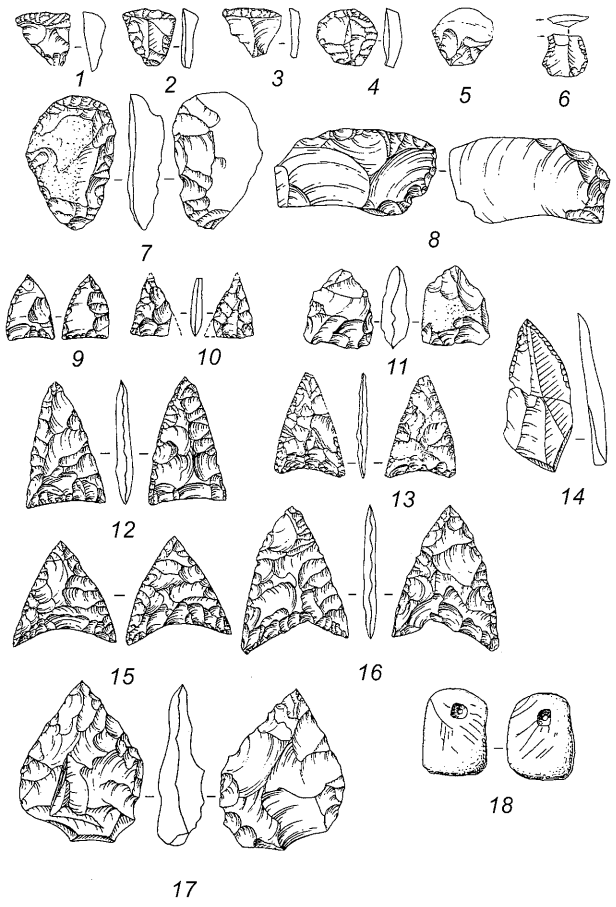

Рис. 6. Каменные орудия и мергелевая подвеска (*18*). Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелецкая культура, II этап. Костенки-1, V слой.

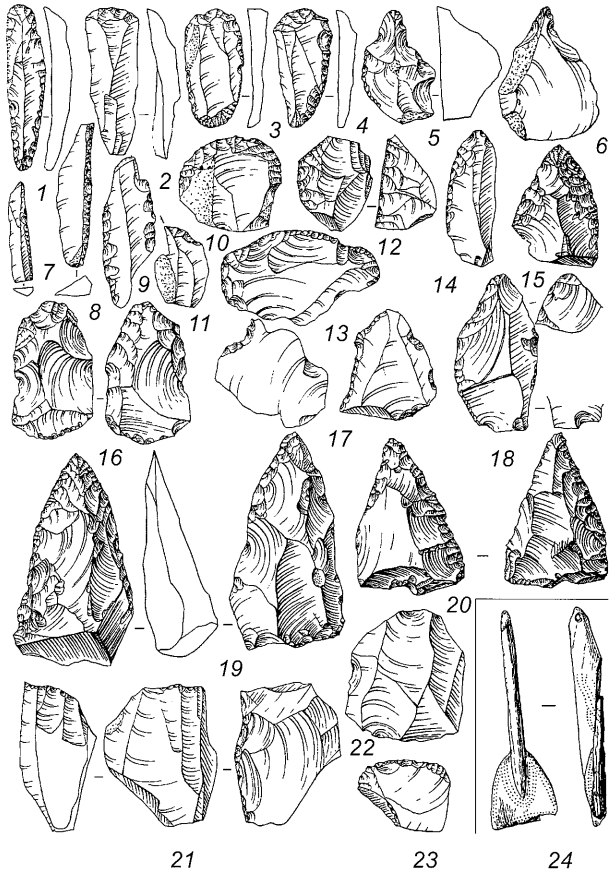

Рис. 8. Каменные орудия и бивневый "амулет" (*24*). Селетоидный технокомплекс. Брынзенская культура. Брынзены-1, III культурный слой.

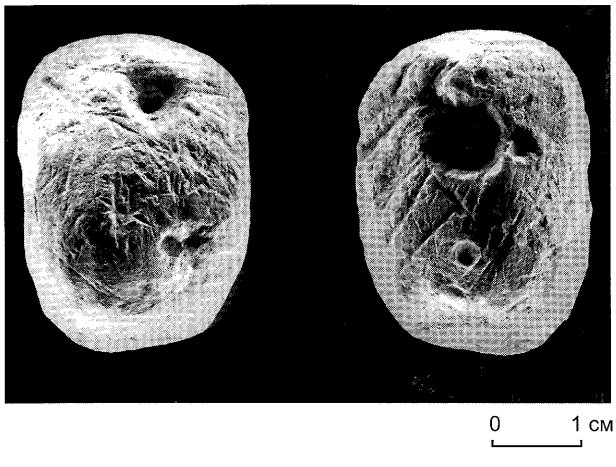

Рис. 7. Мергелевая подвеска из V слоя Костенок-1.

ее возраст колеблется от 27 до 21 тыс. лет (в том случае, если даты, полученные для грота Чунту, "неомоложенные"). Техника первичного скола призматическая в сочетании с леваллуазской. Двусторонние формы, подтреугольные и овальные, в целом грубее стрелецких (рис. 8, *16*, *18 – 20*), хотя имеются обломки наконечников, выполненных в технике "тонкого" бифаса. Верхнепалеолитические формы – скребки, резцы, пластины с притупленным краем – изготавливались преимущественно из пластин (рис. 8, *1 – 4*, *8*, *9*). Скребла в основном простые однолезвийные (рис. 8, *13*), остроконечники "классической" треугольной формы (рис. 8, *15*). Характерно значительное количество зубчато-выемчатых изделий (рис. 8, *17*).

Чрезвычайно интересен слой С крымского памятника Буран-Кая-3, содержащий наряду с двусторонними формами набор выразительных трапеций вполне мезолитического облика (рис. 9). Судя по публикациям, эти изделия не могут рассматриваться как посторонняя примесь и датируются по ^{14}C, вкупе с остальным инвентарем, временем порядка 32 тыс. л.н. В культурном отношении данная индустрия, названная крымскими археологами восточным селетом, выглядит совершенно изолированно.

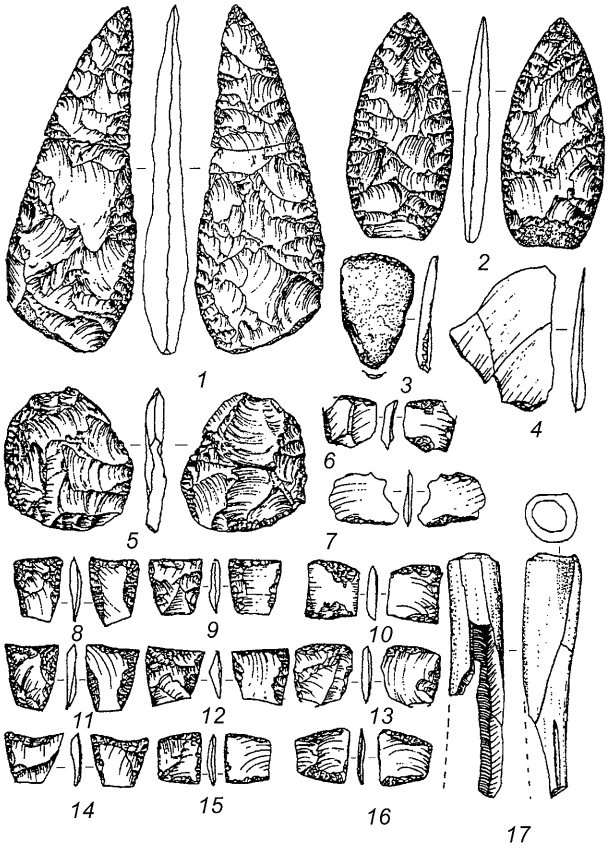

Рис. 9. Каменные и костяные орудия. "Восточный селет". Буран-Кая-3, слой С. По: [Чабай, 2000, рис. 13].

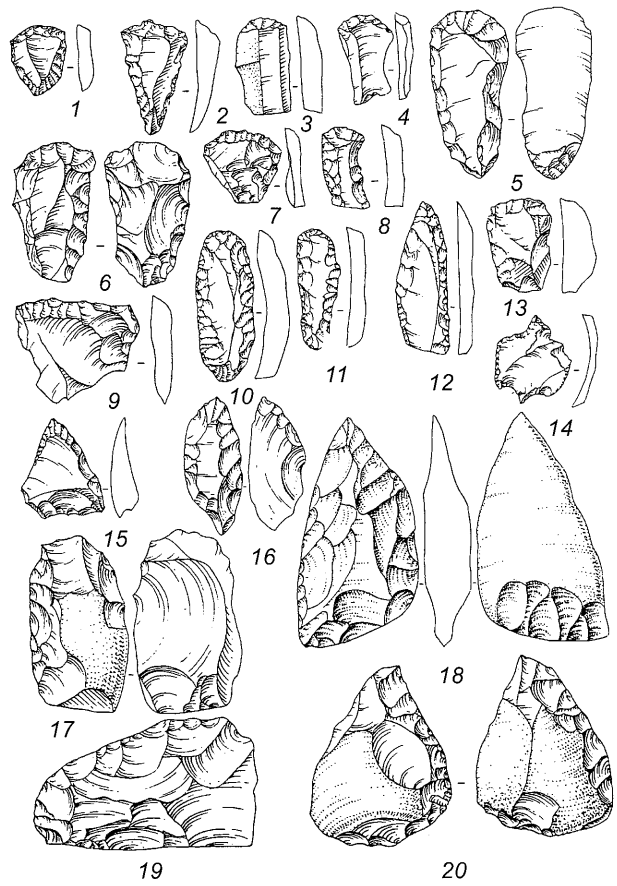

Рис. 10. Каменные орудия. Афонтовский технокомплекс. Городцовская культура. Костенки-15.

Изолированные в культурном отношении индустрии селетоидного ТК известны также на северо-востоке, в бассейне Печоры (Бызовая, нижний слой) и в Поволжье (многослойная стоянка Непряхино).

Афонтовский ТК. Индустрии, относимые к данному ТК, отличаются от селетоидного ТК двумя особенностями: двусторонне обработанные листовидные формы в них отсутствуют или очень редки, но обязательно присутствует большое количество орудий с чешуйчатой подтеской. Во всем остальном афонтовский ТК похож на селетоидный, а именно: 1) в нем представлен достаточно выразительный набор среднепалеолитических форм орудий; 2) пластинчатая техника скола известна, но не доминирует; 3) техника резцового скола развита значительно слабее, чем в индустриях ориньякоидного и граветтоидного ТК.

Я не случайно назвал этот ТК афонтовским: относящиеся к нему индустрии более распространены в Северной Азии, чем в Европе. Тем не менее и здесь мы можем их обнаружить. В первую очередь это памятники городцовской АК. В настоящее время к ней единодушно относят Костенки-12/I, 14/II и 15. Помимо перечисленных общих признаков, свойственных всему афонтовскому ТК, индустрии городцовской культуры отличаются следующими специфическими чертами. В верхнепалеолитическом наборе орудий преобладают скребки, формы которых весьма разнообразны (рис. 10, *1 – 11*, *13*), но среди них выделяются изделия с субпараллельными краями, с краями, расширяющимися к лезвию и близкие к округлым, причем каждый из этих вариантов, в свою очередь, подразделяется на типы. Много орудий с чешуйчатой подтеской, особо выделяются маленькие чешуйчатые орудия "городцовского типа". Проколки отличаются короткими жалами (рис. 10, *14*). Резцов немного, и они малоыразительные. В архаичном наборе орудий выделяются многолезвийные скребла, в т. ч. с вентральной подтеской основания (рис. 10, *18*), остроконечники (рис. 10, *15*), лимасы (рис. 10, *16*) и маленькие "рубильца" (рис. 10, *20*). Костяной инвентарь богат. Наиболее специфический тип – костяные лопаточки с рукоятью, оканчивающейся шляпковидным навершием.

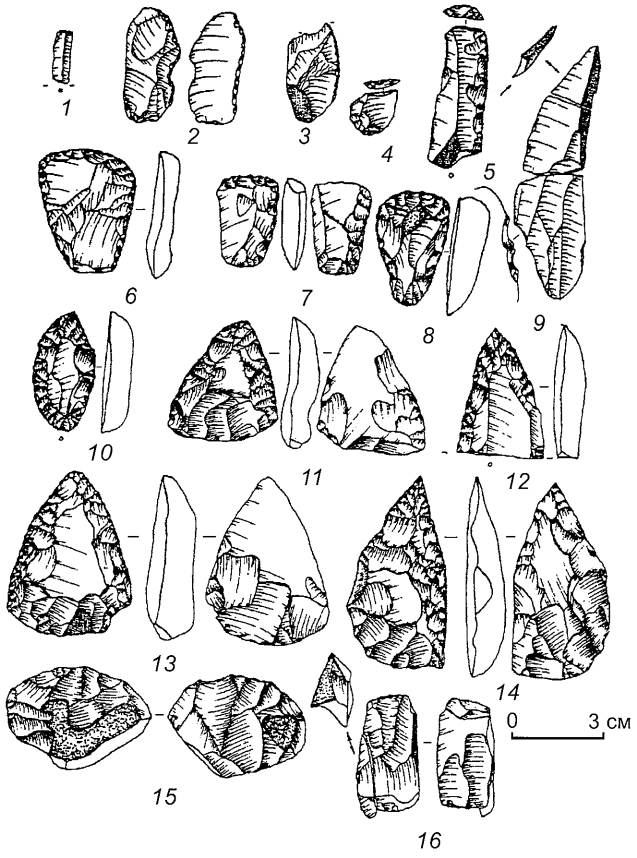

Рис. 11. Каменные орудия. Афонтовский технокомплекс. Городцовская культура. Стоянка Мира.

До недавнего времени ареал памятников городцовской АК ограничивался Костенковско-Борщевским районом. С открытием стоянки Мира он расширился до бассейна Днепра (см. рис. 1). Работы на памятнике только начаты, и коллекция кремневых изделий со вторичной обработкой невелика – не более 50 экз. [Коен, Степанчук, 2000]. Тем показательнее, что и в технологическом, и особенно в типологическом отношении здесь отчетливо проявляются специфические черты городцовской АК: скребки с расширяющимися к лезвию и с параллельными краями, мустьерские остроконечники и конвергентные скребла, в т. ч. с вентральным утоньчением основания, лимасы (рис. 11). Исследователи стоянки совершенно справедливо указывают на особую близость этой индустрии городцовским комплексам. На мой взгляд, можно с достаточной уверенностью говорить об их однокультурности.

Костенковские памятники городцовской АК и по стратиграфическому положению, и по радиоуглеродным датам определенно датируются дунаевским потеплением. Судить о возрасте стоянки Мира пока преждевременно.

Индустрии ориньякоидного ТК со "среднепалеолитическими пережитками". Давая определение ориньякоидному ТК, я подчеркивал, что наличие в таких индустриях архаичных элементов вовсе не обязательно. Но в тех случаях, когда устойчивая их совокупность налицо, нет никаких оснований исключать подобные индустрии из числа ранних верхнепалеолитических с архаичными элементами. На Русской равнине к ним относятся комплексы стоянок Куличивка на Волыни (рис. 12) и Радомышль в Приднепровье. Индустрии этих памятников основаны на пластинчатой технике скола, направленной на получение крупных и достаточно массивных пластин, в сочетании с хорошо выраженной леваллуазской техникой, представленной типичными леваллуазскими остриями и нуклеусами для их получения. Сочетание нетрадиционно для типичного ориньяка, но как способ изготовления ("избыточная" краевая ретушь, многофа-

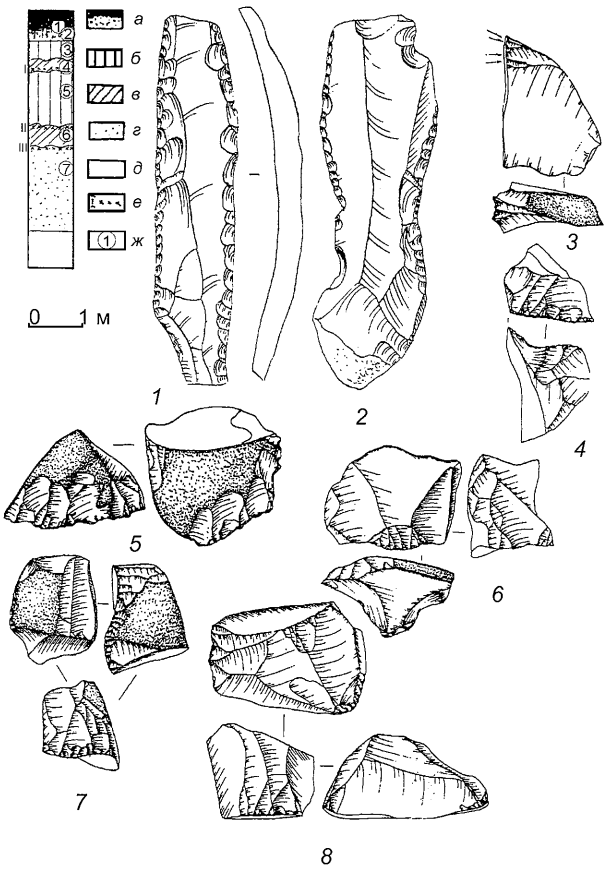

Рис. 12. Схематический разрез и каменные орудия (*3 – 8* по: [Коен, Степанчук, 2000, рис. 9]). Ориньякоидный технокомплекс с архаичными чертами. Куличивка, III слой. *а* – современная почва; *б* – лессовидные суглинки; *в* – гумусированные суглинки, погребенные почвы; *г* – опесчаненные горизонты или суглинки с меловой крошкой; *д* – осветленные суглинки; *е* – культурные слои; *ж* – номера литологических горизонтов.

сеточные резцовые сколы), так и формы орудий (скребки и острия на ориньякских пластинах, высокие скребки, скребки "с носиком", пластины с перехватом, многофасеточные резцы) вполне укладываются в предложенное выше определение ориньякоидного технокомплекса. Выразительный архаичный компонент свидетельствует лишь о том, что разнокультурные индустрии, относящиеся к ориньякоидному ТК (как, впрочем, и к любому другому), вырастают из разных генетических корней. В данном случае гипотеза о связях волыно-днепровских ориньякоидных индустрий с центрально-европейским богунисьеном [Коен, Степанчук, 2000] представляется вполне правомочной.

К сожалению, вопрос о возрасте восточно-европейских ориньякоидных памятников с леваллуазскими чертами остается открытым. Вполне возможно, что комплекс из III слоя стоянки Куличивка древнее дунаевского потепления и относится к началу верхнего палеолита. Однако обращает на себя внимание единственная и весьма "молодая" радиоуглеродная дата, полученная для Радомышльской стоянки, – порядка 19 тыс. л.н. Что это: результат "омоложения" или свидетельство длительного существования таких индустрий?

Культуры "развитого" типа

Древнейшие культуры ориньякоидного ТК. Теперь нам предстоит убедиться в том, что наличие или отсутствие архаичных черт в индустриях ориньякоидного ТК не зависит напрямую от их геологического возраста. Как отмечалось, костенковские памятники I хронологической группы относятся ко времени, предшествующему дунаевскому потеплению. И среди них наряду с архаичными комплексами раннего этапа стрелецкой АК имеются индустрии, не содержащие сколько-нибудь выраженных архаических признаков, представляющие высокоразвитую технику обработки кости и камня. Это прежде всего памятники спицынской АК. К ним я отношу Костенки-17/II и 12/II.

Обе индустрии – эпонимная (Костенки-17/II, рис. 13) и менее представительная, но рассматриваемая как однокультурная (Костенки-12/II), – демонстрируют достаточно развитые технические приемы, свойственные верхнепалеолитической эпохе: не только пластинчатую технику, основанную на призматическом нуклеусе, и широкое употребление резцового скола, но также сверление по кости и камню и шлифовку. Следует отметить, что наборы орудий этих двух индустрий не тождественны: в инвентаре Костенок-17/II есть такие черты, которые не обнаруживаются в материалах Костенок-12/II, и наоборот. Но основные особенности, технико-типологическое "ядро" этих двух комплексов аналогичны друг другу и резко выделяются на фоне как одновременных индустрий раннего этапа костенковско-стрелецкой АК, так и более поздних, но принадлежащих тому же ориньякоидному ТК (Костенки-1/III, 4/I, 8/I). Это позволяет рассматривать характеристики индустрий Костенок-17/II и 12/II как *взаимодополняющие* в освещении культурного единства спицынской АК. Коллекция с эпонимного памятника насчитывает около 9 800 единиц каменного инвентаря, в т. ч. около 300 изделий со вторичной обработкой. Материалы из Костенок-12/II невелики: всего около 80 орудий, но в них проявляются некоторые важные типологические характеристики, не представленные в индустрии Костенок-17/II.

В обеих индустриях техника первичного раскалывания типично призматическая, ведущая форма заготовки – массивная пластина. В Костенках-12/II найдены два вторичных клиновидных нуклеуса для снятия микропластинок, а сами микропластинки с мелкой краевой ретушью известны в Костенках-17/II (рис. 13, *10 – 12*). Концевые скребки на пластинах сочетаются с высокими скребками, в т. ч. типичными "карене" (рис. 13, *13 – 15*, *21*, *22*). Много резцов; в Костенках-17/II это самая представительная группа орудий (свыше 50%). Преобладают различные формы многофасеточных резцов (рис. 13, *19*, *20*, *23 – 25*, *29*). В Костенках-12/II имеются фрагменты типично ориньякских пластин, в т. ч. от крупных экземпляров. В той же индустрии обнаружен своеобразный тип проколок: жало, смещенное к правому углу заготовки, образовано прямым и выпуклым краями, обработанными крутой ретушью. В коллекции из Костенок-17/II подобных проколок нет, но имеются резцы, у которых сколы снимались со сходным образом выделенного "носика" (рис. 13, *24*, *25*). Долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской есть в обеих индустриях, но в Костенках-12/II они более выразительны. И там, и там немногочисленны типичные стамески, тесно связанные переходными формами с группой резцов (рис. 13, *20*).

Костяной инвентарь известен только в Костенках-17/II. Он исчерпывается двумя шильями из локтевых костей зайца или песца (рис. 13, *8*), двумя обломками костяных острий, двумя фрагментами поделок из бивня и обломком лощила. Подвесок собрано около 50 экз. Это древнейшие из известных в Восточной Европе изделий такого рода. К ним относятся 37 просверленных клыков песца (рис. 13, *1*, *2*), 4 просверленные подвески из белемнитов (рис. 13, *3*, *4*), несколько из ископаемых раковин и кораллов (рис. 13, *6*) и 7 из камня (рис. 13, *7*). По заключению С.А. Семенова, сверление производилось вручную, без использования лучкового сверла (см.: [Борисковский, 1963, с. 104]).

В литературе с середины 1980-х гг. наблюдается тенденция связывать индустрию Костенок-17/II с граветтоидным технокомплексом [Debrosse,

Koslovski, 1988]. На мой взгляд, это неверно. Достаточно массивные пластины с "нерегулярной" спинкой, характерные для этой индустрии, уже сами по себе отличаются от тонких "правильных" пластин и пластинок, свойственных граветтоидному технокомплексу. Пластины и острия с притупленным краем здесь полностью отсутствуют, а единичные микропластинки с тонкой краевой ретушью (рис. 13, *10 – 12*) характерны именно для ориньякоидного технокомплекса. Преобладание многофасеточных резцов, наличие кареноидных скребков (рис. 13, *22*) говорит о том же.

Стоянки начальной поры верхнего палеолита с небольшим количеством инвентаря. С нижней гумусовой толщей связаны материалы Костенок-8/IV и 14/IVa, б. К сожалению, они ничтожно малы: в Костенках-8/IV собрано всего 29 изделий, изготовленных из черного мелового кремня. Техника явно пластинчатая. Имеются три концевых скребка на пластинах. Несмотря на бедность коллекции, можно с уверенностью сказать, что данная индустрия относится к числу развитых и, вероятнее всего, также принадлежит ориньякоидному ТК.

К развитым относятся и древнейшие индустрии, открытые А.А. Синицыным на Костенках-14 (слои IVa, б). Несмотря на несомненную глубокую древность, костяные и бивневые изделия из слоя IVб свидетельствуют о развитой культуре. В их числе роговые мотыги, ребро с продольным пазом, орнаментированные стержни, украшения. Кремневый инвентарь представлен нуклеусами – призматическими, торцовыми и параллельного снятия; в числе орудий скребки, резцы, долотовидные, овальные двусторонне обработанные и чоппероидные [Синицын, 2000].

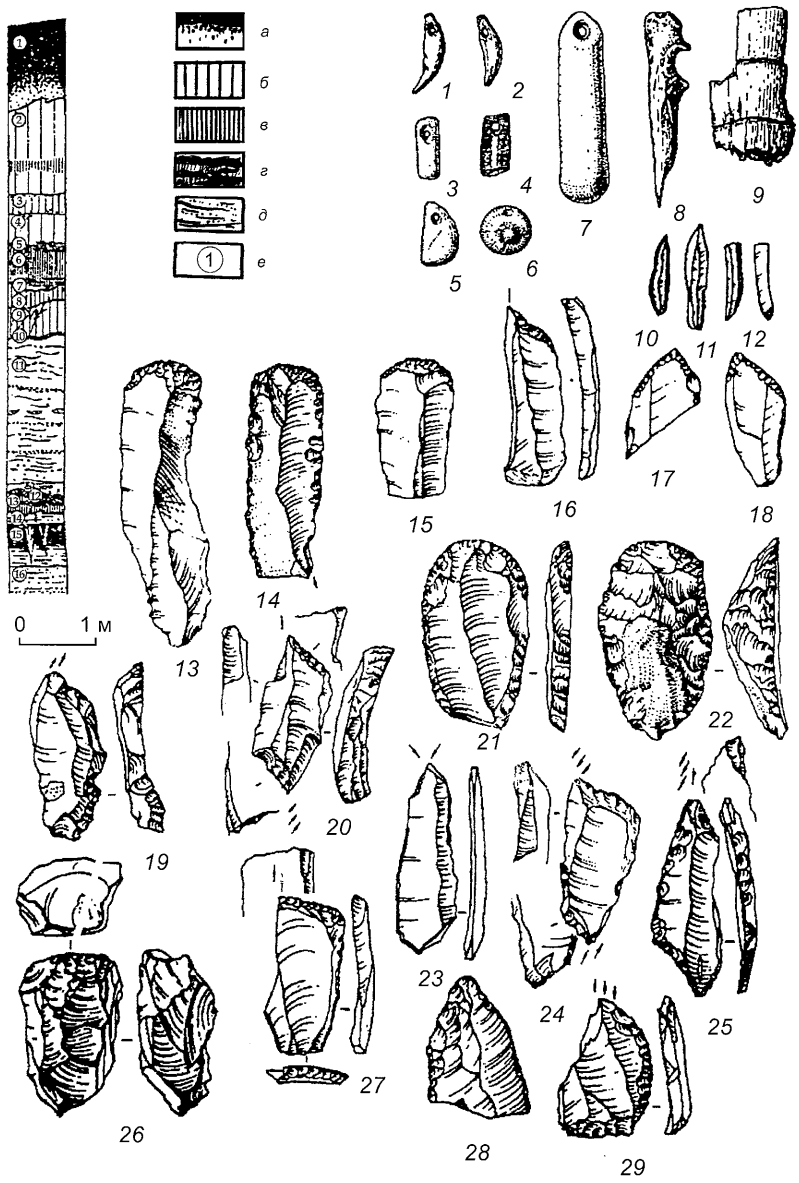

Рис. 13. Схематический разрез, украшения (*1 – 7*), костяные поделки (*8, 9*) и каменные изделия (*10 – 29*). Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт. Спицынская культура. Костенки-17, II культурный слой.
а – современная почва; *б* – лессовидные суглинки; *в* – гумусированные суглинки, погребенные почвы; *г* – линзы интенсивной гумусированности; *д* – слоистые суглинки; *е* – номера литологических горизонтов.

Относительно "молодые" культуры ориньякоидного ТК. В Костенковско-Борщевском районе сравнительно поздно (26 – 22 тыс. л.н.) проявляется пласт индустрий несомненно ориньякоидного облика (Костенки-1/III, II, 4/I, 8/I, 11/III) или таких, в которых ориньякоидные элементы сочетаются с выразительными граветтоидными чертами (Костенки-9). Эти памятники по своему облику разнокультурны. Костенки-8/I и 11/III я выделяю в аносовско-тельманскую АК, отличающуюся, наряду с ориньякоидными формами (соответствующим образом ретушированные пластины, острия и скребки на таких пластинах, высокие формы), довольно выразительным комплексом двусторонне обработанных орудий разных типов, но выполненных не в технике "тонкого бифаса". Костенки-1/III, по довольно единодушному мнению, самый "ориньякский" памятник Восточной Европы, т.к. содержит все

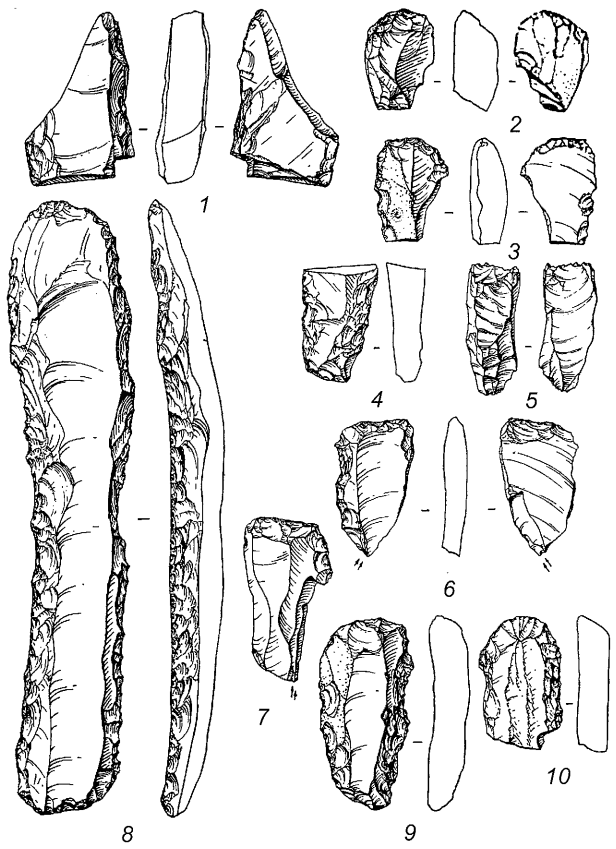

Рис. 14. Каменные орудия. Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт. Костенки-1, III слой.

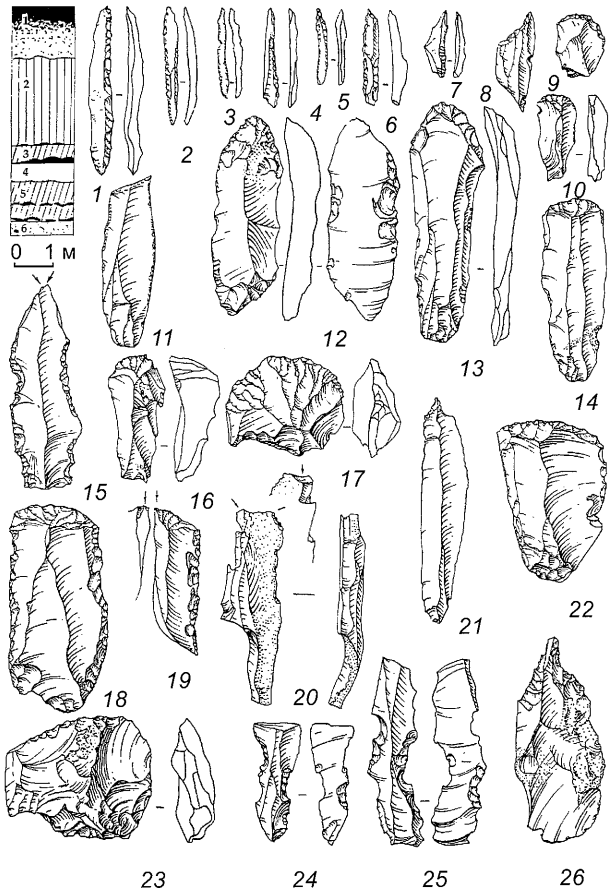

Рис. 15. Схематический разрез (усл. обозн. см. на рис. 12) и каменные орудия. Граветтоидный технокомплекс. Тельманская культура. Костенки-8, II слой.

"необходимые" компоненты: от пластин с перехватом, соответствующих типов скребков и острий до пластинок дюфур (рис. 14). Его ближайший аналог – Сюрень-1, нижний слой (по терминологии Г.А. Бонч-Осмоловского) – находится не в Костенках, а в Крыму, и является несколько более древним: его возраст определяется в настоящее время радиоуглеродными датами порядка 29 – 27 тыс. л.н. [Демиденко, 2000]. По заключению того же автора, памятники относятся к "позднему ориньяку типа Кремс-Дюфур". Костенки-4/I в культурном отношении остается изолированным памятником.

Материалы перечисленных индустрий многократно опубликованы и хорошо известны. Важно подчеркнуть: *нет никаких оснований для предположения об их генетической связи друг с другом, равно как с ранними ориньякоидными индустриями Костенковско-Борщевского района или с индустриями типа Куличивки – Радомышля.*

Появление в Восточной Европе граветтоидного ТК. На данной территории это явление возникает примерно в то же время, что и в других регионах Европы, – около 30 тыс. л.н. В Костенковско-Борщевском районе оно представлено комплексом Костенок-8/II (рис. 15), залегающим в верхней гумусированной толще и имеющим радиоуглеродную дату порядка 27 тыс. л.н., на юго-западе Русской равнины – индустриями раннего этапа молодовской АК (Молодова-5/X – VIII), наиболее достоверные радиоуглеродные даты которых также порядка 29 – 28 тыс. л.н. Но расцвет граветтоидного ТК приходится на более позднее время – начало позднего валдая, что особенно хорошо прослеживается в Костенковско-Борщевском районе, на памятниках, залегающих выше гумусированных толщ.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: проблема генезиса

Прежде всего следует определить, в чем же состоит принципиальное различие между средним и верхним палеолитом? В сущности, это проблема критерия дифференциации археологических эпох. Учитывая ограниченность объема статьи, кратко остановлюсь только на одной из самых последних попыток

предложить критерии, разграничивающие средний и верхний палеолит, предпринятой М. Оттом и Я. Козловским. По мнению авторов, "...средний палеолит в Европе выявляют по технологическим признакам: орудия изготовлены из заготовок, форма которых задана в ходе предварительной подготовки ядрищ. <...> Верхний палеолит определяют по признакам использования стандартных пластинчатых заготовок. <...> Верхний палеолит отмечен существенным сдвигом в производстве изделий: пластинчатая технология стала доминирующей. <...> Технологическая трансформация представляется эволюционным изменением в сторону уменьшения размеров заготовок и может оцениваться как прогресс..." [Отт, Козловский, 2001, с. 51].

На мой взгляд, предложенные критерии слишком узки даже для разграничения двух упомянутых эпох. С одной стороны, далеко не все среднепалеолитические индустрии однозначно связаны с леваллуазской техникой; если же говорить о предварительной подготовке ядрищ "вообще", то верхнепалеолитическая пластинчатая техника особенно требует такой подготовки (т.н. гигантолиты). О пластинчатых среднепалеолитических индустриях упоминали в своей статье и мои оппоненты. С другой стороны, как показано выше, имеется целый ряд верхнепалеолитических индустрий (Брынзены-1/III, три слоя Куличивки, Радомышль), где призматическая пластинчатая техника прекрасно уживается с леваллуазской в ее "классическом" виде. Наконец, и в среднем ("микок" в широком смысле термина), и в верхнем (стрелецкая, городцовская АК) палеолите есть индустрии, которые нельзя однозначно связать ни с леваллуазской, ни с призматической техникой скола. Точно так же невозможно говорить об уменьшении размера заготовок при переходе к верхнему палеолиту как о всеобщем явлении: массивные пластины куличивских индустрий, например, ничуть не уступают среднепалеолитическим стандартам. В тех же редчайших случаях, когда между средним и верхним палеолитом удается проследить, хотя бы гипотетически, конкретные культурно-генетические связи – например, между "крымским микоком" и стрелецкой АК [Аникович, 1997, в печати], – говорить об уменьшении размеров заготовок вовсе не приходится.

Конечно, при анализе ряда конкретных индустрий предложенные критерии успешно работают, но в качестве всеобщих они явно недостаточны. Тем более если мы хотим логически упорядочить верхнюю ступень археологической периодизации и определить единый критерий для разграничения археологических эпох. В свое время я предложил в качестве такого критерия *активное внедрение в человеческую практику нового материала, использовавшегося прежде спорадически и неадекватно своим технологическим возможностям.* С этой точки зрения верхний палеолит – "эпоха кости", неолит – "эпоха керамики", далее следуют эпоха бронзы и эпоха железа. Мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох, оставаясь, впрочем, важными периодизационными подразделениями, завершающими соответственно верхнепалеолитическую и неолитическую эпохи [Аникович, 1992].

Таким образом, смена археологических эпох есть не что иное, как *глобальная смена технологий*, но в более глубоком смысле, нежели простая смена техники снятия заготовок. Активное использование кости, рога и бивня требовало нового инструментария, который, впрочем, мог прекрасно уживаться с типично среднепалеолитическими формами ("архаичные" индустрии). Это, в свою очередь, действительно вело к усовершенствованию техники скола, но далеко не однозначно в сторону усиления пластинчатости. В ряде случаев новым задачам вполне отвечала техника "тонкого бифаса", возникшая в раннюю пору верхнего палеолита [Bradely, Anikovitch, Girya, 1995]

Учитывая неизбежные изменения техники скола, следует признать, что *генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам – среднему и верхнему палеолиту, – должны, как правило, различаться в технологическом отношении.* Культурно-генетическое родство есть не что иное, как преемственность культурных традиций. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о передаче их в сильно редуцированном виде. Поскольку в каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в *формообразовании*, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими индустриями следует ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

Костенковско-стрелецкая АК. Исходя из предложенного критерия, непосредственным генетическим источником костенковско-стрелецкой АК следует считать "микокские" индустрии Крыма, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда форм орудий: треугольные наконечники с вогнутым основанием, листовидные наконечники с округлым основанием, подтреугольные скребки (рис. 16). Само собой разумеется, технологические характеристики крымских и стрелецких индустрий различны. По-видимому, Днестровско-Прутское междуречье являлось районом, испытавшим известное влияние тех же среднепалеолитических традиций, но уже в иной трансформации [Аникович, в печати].

Городцовская АК. Памятники этой культуры в Костенках более молодые. Тем не менее обратим внимание на сходные формы орудий городцовской АК

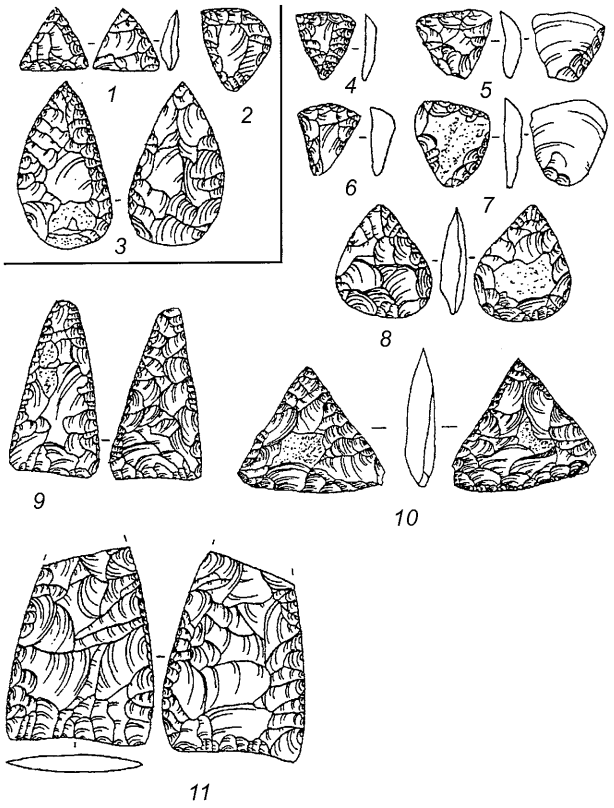

Рис. 16. Типы, характерные для костенковско-стрелецкой АК, в среднепалеолитических индустриях Крыма и юго-запада Восточной Европы.
1 – 3 – Чокурча; *4 – 8, 10* – Заскальная-5, слои II – IV; *9* – Пролом; *11* – Тринка-3, слой III.

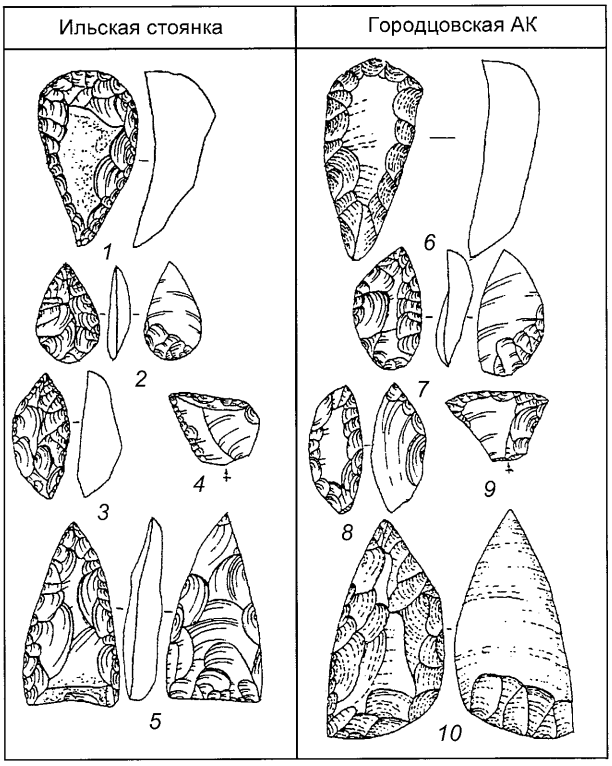

Рис. 17. Типологическое сходство между комплексом из среднепалеолитических слоев Ильской стоянки и индустриями городцовской АК.

и Ильской стоянки (рис. 17). К сожалению, в данном случае мы лишены возможности распределить ильские орудия послойно, что в значительной степени обесценивает указанное сходство. Но вовсе его игнорировать едва ли правомочно; рис. 17 следует рассматривать как "информацию к размышлению".

Как отмечалось, высказанная украинскими коллегами гипотеза о связях куличивского "ориньяка" с центрально-европейским "богунисьеном" представляется вполне правомерной. А индустрии спицынской АК настолько высоко развиты, что искать для них какие бы то ни было среднепалеолитические аналоги едва ли уместно. По всей вероятности, эта культура сформировалась где-то за пределами Восточной Европы и появилась на Русской равнине уже в развитом виде.

В настоящее время вопрос о происхождении верхнепалеолитических индустрий из среднепалеолитических – как конкретная археологическая проблема – ставится не только для Европы или Ближнего Востока, но и для Северной Азии, благодаря сделанным там замечательным открытиям многослойных стоянок (в первую очередь Кара-Бом), сочетающих среднепалеолитические и ранневерхнепалеолитические слои. При сопоставлении этих памятников с материалами Восточной Европы бросается в глаза одно существенное расхождение: североазиатские (горно-алтайские) комплексы демонстрируют постепенное изживание среднепалеолитических традиций, происходящее на одной территории [Деревянко, 2001]. В Восточной Европе картина совершенно иная. Здесь хорошо выраженный комплекс памятников начальной поры верхнего палеолита (Костенковско-Борщевский район) не обнаруживает связей со средним палеолитом ближайших территорий. И напротив, там, где прослеживается хорошо выраженный комплекс поздних среднепалеолитических индустрий (Приднестровье, Крым), нет убедительных оснований говорить об их связях с местным верхним палеолитом в его наиболее ранних проявлениях. На территории Восточной Европы наблюдается не плавное перерастание среднепалеолитических индустрий в "архаичные" верхнепалеолитические ("переходные") и затем в развитые верхнепалеолитические, а их длительное сосуществование.

Заключение

Из проведенного анализа следует, что на территории Восточной Европы древнейшие верхнепалеолитические индустрии появились рано (около 40 тыс. л.н., если не раньше), причем в весьма развитом виде (спицынская АК, нижние слои Костенок-8 и 14). Вполне вероятно, что самые ранние верхнепалеолитические индустрии "архаичного" типа, обнаруживающие корни в местном (в широком смысле слова) среднем палеолите, возникли под их влиянием. Население, очевидно, вело достаточно подвижный образ жизни, коль скоро ни на одной из многочисленных многослойных стоянок Восточной Европы не обнаруживается постепенное перерастание среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические.

Особо следует подчеркнуть различный генезис археологических культур, относящихся к одному технокомплексу. Поэтому нет оснований говорить о происхождении "ориньяка" (равно как "селета" или "граветта") "вообще", вопросы такого рода следует ставить и решать на уровне конкретных археологических культур. Вполне вероятно, горно-алтайские ориньякоидные индустрии типа Усть-Каракол-1 (по терминологии Ж. Жобера, "напоминающие ориньяк" [Жобер, 2001]) имеют местную подоснову, но отсюда не следует, что обнаружение такой подосновы является одновременно решением проблемы происхождения различных вариантов ориньякоидного ТК Европы или Ближнего Востока.

Список литературы

Аникович М.В. К определению понятия "археологическая эпоха" // РА. – 1992. – № 1. – С. 85 – 94.

Аникович М.В. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 3. – С. 3 – 19.

Аникович М.В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. – 1994. – № 3. – С. 144 – 157.

Аникович М.В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симп. "Первичное расселение человечества". – М., 1997. – С. 143 – 155.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от "восточного граветта" к "восточному эпиграветту" // Восточный граветт. – М.: Научный мир, 1998. – С. 35 – 60.

Аникович М.В. Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11 – 30.

Аникович М.В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // Stratum plus (в печати).

Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Форман Ст., Попов В.В. Новые данные о многослойной стоянке Костенки-12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: АкадемПринт, 2002. – С. 68 – 72.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках // МИА. –1963. – № 121. – С. 5 – 200.

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине в свете изучения стоянки Шлях в Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4. – С. 8 – 24.

Демиденко Ю.Э. "Крымская загадка" – среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур, Сюрени-1: альтернативные гипотезы для решения проблемы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 97 – 124.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.

Жобер Ж. Комментарий к статье М. Отта, Я.К. Козловского // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 68 – 69.

Заррина Е.П., Краснов И.И. Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений европейской части СССР // Четвертичная геология и структурная геоморфология СССР: Тр. ВСЕГЕИ. Нов. сер. – 1977. – Т. 222. – С. 18 – 24.

Коен В., Степанчук В. Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 31 – 53.

Отт М., Козловский Я.К. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 51 – 62.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879 – 1979 / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. – Л.: Наука, 1982.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии / Ред. А.А. Синицын, Н.Д. Праслов. – СПб.: АкадемПринт, 1997. – 141 с.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 125 – 146.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 221 с.

Чабай В.П. Особенности перехода от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 54 – 83.

Bradely B., Anikovitch M., Girya E. Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskayan flake stone artefacts and technology // Antiquity. – 1995. – Vol. 69. – November. – P. 989 – 998.

Debrosse R., Koslowski J. Hommes et climats a l'age du mammouth. Le Paleolithique superieur d'Eurasie Centrale. – Paris; Milan; Barcelone; Mexico: MASSON, 1988. – 144 p.

Материал поступил в редколлегию 24.12.02 г.

УДК 903.5'63

Н.Ю. Кунгурова
НПЦ "Наследие"
ул. Ползунова, 39, Барнаул, 656043, Россия
E-mail: Xyklop@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА СОЛОНЦЫ-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)*

Введение

Одним из важнейших аспектов в изучении неолита является выявление компонентов, участвовавших в формировании культур и процессе их трансформации. Нередко самым ценным источником информации о культурных преобразованиях, содержащим как автохтонные, так и приобретенные элементы, может оказаться могильник либо отдельные погребения. Кузнецко-алтайская культура была выделена на основе погребений [Окладников, Молодин, 1978]. До сих пор остается недостаточно аргументированным культурное единство поселений и погребений Салаиро-Алтая [Бобров, 1997, с. 140 – 143; 1999, с. 32; Кирюшин, 2002], это усложняет понимание процесса формирования кузнецко-алтайской культуры и ее роли в культурогенезе неолитического населения Салаиро-Алтая. Инвентарь погребений устойчив и выразителен, содержит черты, сближающие данное культурное образование с неолитом Прибайкалья [Окладников, Молодин, 1978; Молодин, 1999, с. 45, 48]. На территории Горного Алтая в настоящий момент известны одиночные погребения в Нижнетыткескенской [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995] и Каминной [Маркин, 2000] пещерах, могильники Усть-Иша и Большой Мыс в северных предгорьях и на Бийско-Чумышской возвышенности [Молодин, 1999; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000]. В результате сравнительного анализа антропологических серий из этих могильников В.А. Дремов пришел к выводу о принадлежности популяций данного региона к большой расовой общности эпохи неолита, включавшей население Прибайкалья и Забайкалья, отметив проявление здесь европеоидных компонентов [Дремов, 1980; 1997, с. 33]. Изучив краниологические материалы из пещер Каминная и Нижнетыткескенская I, Т.А. Чикишева пришла к заключению о их сходстве с черепами из погребений Красноярско-Канского региона (Базаиха, Долгое Озеро) [Чикишева, 2000; Ким, Чикишева, 1995].

В данной публикации вводятся в научный оборот новые материалы из могильника Солонцы-5, относящегося к кузнецко-алтайской культуре. Ограничиваясь лишь теми фактами, которые, на мой взгляд, способны проиллюстрировать механизм культурных влияний и аргументировать датировку памятника, обращаю главное внимание на материалы погребения 1. Основные результаты исследований могильника Солонцы-5 представлены в публикации Н.Ю. Кунгуровой, Т.А. Чикишевой [2002] и впоследствии будут рассмотрены в специальной работе.

Материалы могильника Солонцы-5

В 2000 г. мной был обнаружен и исследован могильник Солонцы-5. Он находится в 0,5 км к СВ от с. Пильно в Красногорском районе Алтайского края, размещается на левом берегу р. Бии на останце террасы высотой до 50 м над уровнем реки, в устье речки Чепшушки (рис. 1, 2). Местность характеризуется расчлененным низкогорным рельефом, крутые склоны левобережья Бии и Чепшушки покрыты березовым лесом, по бортам террасы прослеживаются скальные выходы. Геоморфологическое положение памятника весьма напоминает ситуацию, зафиксированную В.И. Молодиным при раскопках неолитического могильника Корчуган [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00102а.

© Н.Ю. Кунгурова, 2003